

сандрийцев, приходится предположить последнее, ибо вряд ли они прежде пользовались этими строениями абсолютно безвозмездно.

Можно отметить и другое: города — вероятно, за исключением крупных или достаточно богатых — уже не могли поддерживать старых общественных сооружений. Законодательство очень отчетливо фиксирует это явление в IV в. Многие общественные сооружения не поддерживаются должным образом и не ремонтируются. Отчасти это было связано с сокращением поступлений в муниципальную казну. Закон императора Константина (CTh, XII, 11, 1 — 314—340) сообщает, что держатели городской земли плохо и неисправно платят городам и пытаются не только присваивать городскую собственность, но даже и продавать ее. По-видимому, это в равной мере относится и к внутригородской собственности города, и, очевидно, выражалось в том, что ее владельцы пытались рассматривать как свою собственность земельные участки, на которых были расположены их строения. Ситуацию, отражающую положение с внегородской и внутригородской земельной собственностью, раскрывает указ Юлиана от 362 г. (CTh, X, 31,1): «Мы приказываем возвратить городам общественные земельные владения, чтобы они сдавались в аренду по справедливым ценам и чтобы тем самым всем городам могло быть обеспечено восстановление».

Обращает на себя внимание и инициатива частных лиц по отношению к городской собственности. Так, один из эдиктов (CTh, XV, 1,9) упоминает о людях, очевидно, в достаточной степени самостоятельно построивших дополнительные этажи над помещениями мастерских, являвшихся собственностью города. Характерно, что эдикт признает, несмотря на явно незаконный характер такой застройки, их право собственности на эти этажи.

Закон Юлиана от 362 г. (CJ, VIII, 11 (12), 3) свидетельствует о дальнейших уступках частным собственникам. Речь в законе, очевидно, идет о предшествующем периоде правления Констанция, когда права собственности городов нарушались достаточно активно. Стремившийся укрепить собственность городов и вернуть им прежние имущества, Юлиан, видимо, столкнулся с тем фактом, что многие за это время построили те или иные здания на городской земле. Но одновременно Юлиан видел, что города не могут своими силами обеспечить строительство общественных или доходных строений. Вероятно, не желая вступать в конфликт с собственниками, но стараясь укрепить права городов и обеспечить их поступления (CTh, XVI, 9-CJ, VIII, 11, 3—362), он признал право собственности отдельных лиц на постройки (*ἴδιον αὐτοῦ ἔχειν*), возведенные ими на земле — собственности города (*εἰς τόπον τῆς πόλεως*), «если это не вредит» городам и украшает их²⁹. Тем самым Юлиан в известной мере поощрял и частное строительство — правда, «украшающее» город. По сути дела это говорит лишь о том, что такое «украшение» уже было не по силам городской общине и приходилось идти на уступки частным лицам³⁰. Это особенно отчетливо видно на фоне статей, свидетельствующих об упадке, свертывании общественного муниципального их строительства, обветшании и разрушении общественных зданий города в IV—V вв. (CTh, XV, 1—26). Судя по законодательству, во второй половине IV в. учащаются случаи, когда частные лица пытаются присвоить общественные постройки (CJ, VIII, 11 (12) 15—398). При этом значительную часть внутригородской собственности городской общины следует рассматривать не только как дополнительный источник доходов, возникавший в основном в результате дарений. Это была собственность в зна-

²⁹ J. Levy. West Roman vulgar law. The Law of Property. Philadelphia, 1951, p. 271.

³⁰ Не случайно даже об Антиохии Либаний писал, что «частные дома» «возрастают и затеяют своим блеском и величием» общественные постройки, а последние «объяты неприглядностью» (XLII).